

Сергей Польской

Clementia Augustae:

МИЛОСЕРДИЕ И «НЕЛЕПЫЙ ОБЕТ» ИМПЕРАТРИЦЫ

Sergei Polskoi

Clementia Augustae: Mercy and the "Absurd Vow" of Empress

Сергей Польской (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент Школы исторических наук; Институт всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник Центра по изучению XVIII века; кандидат исторических наук) spolskoy@hse.ru.

Sergei Polskoi (PhD; Associate Professor at the School of Historical Sciences, HSE University; Senior Researcher at the Centre for the Study of the 18th Century, Institute of World History, Russian Academy of Sciences) spolskoy@hse.ru.

Ключевые слова: история понятий, милосердие, милость, помилование, отмена смертной казни, макиавеллизм, антимаккиавеллизм, диссимуляция, монархический язык раннего Нового времени

Key words: history of concepts, clemency, mercy, forgiveness, abolition of the death penalty, Machiavellianism, anti-Machiavellianism, dissimulation, monarchical language of the Early Modern Period

УДК: 94(47)

DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_329

UDC: 94(47)

DOI: 10.53953/08696365_2023_184_6_329

С 1744 по 1764 год в России фактически были приостановлены все смертные казни. Современники и историки связывали эту меру с обетом императрицы Елизаветы Петровны, данным ею в ночь на 25 ноября 1741 года. Однако все известные факты противоречат этому мифу, который оказался необыкновенно устойчивым, так же как и отказ рационально объяснять действия императрицы в историографии. Несомненно, что все «ходы» императрицы в направлении отмены смертной казни и смягчения политики наказаний были политическими и дискурсивными, то есть направленными на достижение конкретных целей и, самое главное, осмысляемыми в категориях политики, права, религиозных представлений и литературы ее эпохи, причем ключевым понятием вокруг которых строится интерпретация ее действий в представленной статье является милосердие (*clementia*). История понятия «милосердие», его связь с монархическим языком эпохи позволяет нам контекстуализировать действия императрицы и лишить их мистического ореола.

From 1744 to 1764, all capital punishments were suspended in Russia *de facto*. Contemporaries and historians associated this measure with the Empress Elizabeth Petrovna's vow, made by her on the night of 25 November 1741. However, all known facts contradict this myth, which has proved unusually persistent, as has the refusal to rationalize the empress's actions in historiography. There is no doubt that all the Empress's "moves" towards the abolition of the death penalty and mitigation of punishment policy were political and discursive, i.e., it were aimed at achieving specific goals and, most importantly, were comprehended in the categories of politics, law, religious ideas and literature of her epoch, and the key concept around which the interpretation of her actions in the presented article is based is mercy (*clementia*). The history and interpretation of the concepts of *clemency*, its connection with the monarchical language of the epoch allows us to contextualize the empress's actions and deprive them of their mystical aura.

8 августа 1717 года в Петербурге под палящим солнцем медленно и мучительно умирала заживо закопанная по голову женщина. Из придворной кареты на нее смотрели две девочки, которые, вернувшись с прогулки в Летний дворец, поспешно надиктовали письмо князю Меншикову:

Светлейший Князь Александр Данилович,

по должной своей вине, баба, которая закопана уже ныне немалое время и при самом часе смерти ея, того ради вас просим, аще возможно, то бы вы приказали ее от той смерти для здоровья Государя нашего батюшки, тако и Государыни нашей матушки, свободить, и отослать в монастырь,

в прочем вам пребываем доброжелательными

Anna Elisabet¹

Генерал-губернатора Петербурга в этот день не было в столице, он уехал осматривать строительные работы в Петергофе и Ораниенбауме и вернулся только на следующий день ввечеру, когда, видимо, и получил это письмо². Скорее всего, эту женщину, оставшуюся безымянной для истории, не удалось спасти, — если царевны застали ее «при самом часе смерти», она едва смогла бы прожить еще сутки. Такая казнь обычно назначалась мужеубийцам³, к мольбе сохранить жизнь и отправить преступницу в монастырь власти иногда прислушивались и таким образом спасали жертву⁴. В этом отношении просьба двух царевен не была чем-то выходящим за рамки традиционного христианского милосердия (*misericordia*, в значении сострадания и сочувствия), если бы не стала первым шагом к политическому милосердию (*clementia*) будущей императрицы Елизаветы Петровны. Случаи осуществления бесчеловечной казни женщин зафиксированы вплоть до начала 1740-х годов [Сергеевский 1887: 111], когда одна из сочинительниц письма, взывавшего к милосердию «полудержавного властелина», став императрицей, заявила в августе 1743 года, что «мы всякие смертные преступления не натуральною, но политическою смертию наказывать уставили» [Таганцев 1902: 973], и фактически с 17 мая 1744 года приостановила исполнение смертных приговоров в Российской империи.

Формальный процесс введения первого в истории Нового времени моратория на смертную казнь хорошо изучен в исследовательской литературе и не нуждается в повторении [Викторский 1912: 215—233; Марасинова 2019; Писаренко 2014: 182—190; Таганцев 1902: 972—973; Сергеевский 1890], при этом почти никто из ученых, за исключением С. Бринера [Bruner 1990], не пытался дать удовлетворительного объяснения логики поступка императрицы. Историки объясняли отмену смертной казни религиозностью императрицы, не поддающейся логическому объяснению [Викторский 1912; Марасинова 2019]. Между тем ссылка на религиозность ничего не объясняет, поскольку почти любой человек этого времени был религиозен, дихотомии между религиозным и светским для него не существовало. К тому же исследователи уже давно отметили, что упадок смертной казни в Европе был скорее связан с секуляризацией, и, на-

-
- 1 Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 142. № 560. Л. 1. 1717. Августа 8. Письмо царевен Анны Петровны и Елизаветы Петровны кн. Меншикову. Письмо написано писарским почерком, подписи-автографы выделены курсивом.
  - 2 См.: Журнал 1717 году // Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716—1720, 1726—1727 гг. / Публ. С.Р. Долговой и Т.А. Лаптевой. М.: Российский фонд культуры, 2000. С. 150.
  - 3 См.: *Перри Д.* Другое и более подробное повествование о России // Чтения императорского Общества истории и древностей российских. 1871. № 2. С. 129—130.
  - 4 Подробнее об этом виде казни см.: [Сергеевский 1887: 108—111; Kollmann 2012: 283—287].

оборот, представители разных христианских церквей вплоть до настоящего времени поддерживали применение смертной казни. Смертная казнь не противоречит учениям христианской церкви — еще Альбер Камю заметил: «Высшая мера наказания веками была фактически религиозной карой» [Камю 1998: 615].

Как показывает Ричард Эванс, осознанная критика смертной казни начинается только в эпоху Просвещения, вместе с секуляризацией сознания, поскольку «растущая уверенность в том, что смерть окончательна, подтолкнула просветителей... к мысли о том, что смертная казнь действительно непоправима» и общество теряет людей, которых оно могло бы исправить здесь и сейчас, а не в некоей «будущей жизни» [Evans 1996: 901]. М.М. Богословский предполагал, что отмена смертной казни могла быть как раз следствием личного страха императрицы перед смертью, как считали некоторые ее современники [Богословский 1913: 166]. Однако это предположение основано на слухах: сама Елизавета Петровна в 1740-е годы часто присутствует на многочисленных церемониях похорон⁵, а ее отношение к смерти соединяет христианское смирение с позицией неостоицизма, о чем она пишет принцессе А.И. Гессен-Гомбургской в своем собственноручном письме: «...уведомились мы о кончине супруга Вашего, и о том сожалеем. Но понеже сей путь по воли Божией всем необходим есть, того для печалию сокрушать себя непотребно, но в терпении с благодарением пребыть угодно пред Богом»⁶. К.А. Писаренко, отрицая существование мифического обета и религиозные основания решения императрицы, связывает его с «личными взглядами» императрицы, но их содержание он умалчивает [Писаренко 2014: 184].

Едва ли не единственной работой, где предпринята попытка выйти за банальный круг объяснений, стала статья канадского историка Сириллы (Кириллы Леонидовича) Бринера (1908—2005), который постарался обнаружить широкое интеллектуальное поле, оказавшее влияние на поступок Елизаветы. По мнению исследователя, этот поступок не был еще связан с Просвещением, однако «греческая классика, религиозный гуманизм, чувствительность, которую можно было почерпнуть из французских романов, и даже Лейбниц лучше соответствовали атмосфере, в которой жила Елизавета», все это создавало «интеллектуальную и эмоциональную ауру, которая облегчала принятие мер, столь созвучных эпохе Просвещения» [Bruner 1990: 390]. Увы, попытки Бринера перевести разговор в плоскость интеллектуальной истории остались не замечены историками.

Сама Елизавета Петровна ни сказала ничего, что прямо объясняло бы ее поступок. Возможно, поэтому в историографии так живуча легенда об обете императрицы. Нам представляется, что ответы на вопрос о причинах «политики милосердия» Елизаветы Петровны и ее небывалого решения можно обнаружить опираясь на методы *интеллектуальной истории* (прежде всего

---

5 См.: Маркелл [Родышевский]. Слово при присудствии Ея Императорскаго Величества <...> 1742 года, Марта 28 дня. СПб.: При Имп. акад. наук, [1742]. Л. 16; Письма обер-гофмейстера Х.В. Миниха Иоганне-Елизавете принцессе Ангальт-Цербстской (1745—1746) // Российский архив: Альманах. [Т. XVIII]. М.: Рос. архив, 2009. С. 78, 88.

6 Елизавета Петровна, императрица. Письмо принцессе А.И. Гессен-Гомбургской от 27 октября 1745 г. / Публ. К.А. Писаренко // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. [Т. XVI]. М.: Рос. архив, 2007. С. 57.

Кембриджской школы), прием *насыщенного описания* К. Гирца и гендерный подход. Чтобы понять действия человека с помощью первого из этих методов, необходимо выявить «сущность нормативной лексики, доступной агенту для описания и оценки его поведения», поскольку язык является для человека «не вторичным явлением по отношению к его замыслам, а одной из детерминант его действий» [Skinner 1989: 22]. Метод «насыщенного описания» позволяет найти тот набор интерпретаций действий индивида, которые укоренены в определенной культуре, описать и в то же самое время ограничить репертуар возможных значений повторяющихся ритуалов и моделей поведения в рамках знаковой системы [Гирц 2004: 11–36]. Наконец, гендерный подход напоминает нам о неоднозначном положении женщины-монарха в традиционном обществе и выявляет те стратегии, которые позволяют ей укрепить свою власть в соответствии с практиками сформировавшейся политической культуры [Hennip 2006: 505–510; Villeronteaux 2014]. Отдельно стоит упомянуть работы Кристи Кессерлинг и Джеймса Грегори о милосердии в британской культуре, стоящие на границе интеллектуальной истории и истории практик [Gregory 2021; Kesselring 2003]. На российском материале, насколько нам известно, до сих пор не появилось подобных исследований.

Предметом нашего исследования станут синонимичные понятия «милосердие» и «милость» в монархическом языке раннего Нового времени на примере их функционирования в политическом дискурсе российской монархии середины XVIII века. В своей статье я предлагаю взглянуть на эту проблематику через политику «милосердия и кротости» российской императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761), приостановившей исполнение смертных приговоров в Российской империи с 17 мая 1744 года. Погружение в широкий языковой и семиотический контекст культуры раннего Нового времени позволит понять прагматику действий императрицы и способы ее прочтения современниками, а с другой стороны, анализ этого отдельного случая может расширить наше понимание истории понятия «милосердие».

«Нелепый обет»

3 октября 1742 года Калужская провинциальная канцелярия исполнила указ Сената, по которому зачинщики восстания на крепостной мануфактуре Никиты Демидова были жестоко наказаны на глазах у крестьян окрестных деревень: трех человек били кнутом, а Ивана Герасимова и Лариона Карпова повесили в присутствии мстительного помещика⁷. Десять лет спустя волосной староста и «все тоя волости крестьяне» составили челобитную на имя императрицы, в которой вспоминали исполнение этого смертного приговора и прямо обвиняли помещика и местные власти в нарушении воли суверена:

7 В крестьянской челобитной датой казни назван 1743 год, но в докладе Сената 20 марта 1754 года на высочайшее имя указ о смертной казни крестьян датируется «742 году сентября 24 дня» и называется «имянным», то есть подписанным лично императрицей. Это ошибка, поскольку указ был сенатским. Для калужских крестьян это все было представлено как воля императрицы, поскольку все указы, даже провинциальных канцелярий, начинались со слов «По Указу Ея императорского величества...» (см.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. № 1465. Л. 124–124 об.).

А когда всемилостивейшая и державнейшая наша государыня императрица изволила восприять всероссийский престол, тогда милостивыми ея теплым сердцем презрению ко приятию к вышнему всещедрому богу обещанию, токмо которые, забыв страх божий, явятся по уложению указом ея смертной убивственной вине, и тех, место смерти, доровала живатом к сылки⁸.

Как известно, Мишель Фуко описывал смертную казнь как явление суверена толпе — невидимый для большинства живой монарх являлся подданным в акте исполнения наказания — калеча или убивая преступника [Foucault 1979: 49]. В случае калужских крестьян казнь была делом рук помещика, нарушившего волю суверена, который, как верили его подданные, дал перед Богом обет милосердия и не мог явить себя в убийстве.

Если для приписных крестьян воля императрицы даровать жизнь преступникам была несомненным благом, актом христианской любви, то секретарь французского посольства в Петербурге Жан-Луи Фавье полагал, что она была абсурдной с точки зрения «государственного резона». Фавье не сомневался в том, что императрица действительно обладает «чрезмерной добротой, человечностью, которая довела ее до *нелепого обета*». Однако этот обет, «который она дала в ночь заговора и своего вступления на престол — не предавать никого смерти во время своего царствования», привел к вредным последствиям — «70 тысяч злодеев, которые заслужили высшей меры наказания, находятся под охраной 20 тысяч человек»⁹. Фавье был не одинок в своем осуждении моратория на смертную казнь, порицание неблагоразумного поступка императрицы едва ли не преобладает среди ее образованных современников [Brunner 1990: 409—410, 415].

Но и русские крестьяне, и европейские дипломаты и газетеры безоговорочно верили в легенду о клятве императрицы. Согласно распространенному мифу, Елизавета, прежде чем отправиться в казармы Преображенского полка, ночью 25 ноября 1741 года «пред образом Спаса Нерукотворенного обещалась» никого не казнить в свое царствование, что будто бы неукоснительно выполняла все двадцать лет своего царствования¹⁰. Этот миф об обете императрицы в ночь переворота, растиражированный уже при ее жизни, с завидным упорством продолжают транслировать многие современные историки: «Хорошо известно, что за двадцать лет правления императрицы Елизаветы Петровны, с 1741 по 1761 год, не было совершено ни одной смертной казни» [Марасинова 2019: 133] (ср.: [Анисимов 1999: 538; Павленко 2018: 179]). Впервые разоблачить этот миф попытался еще М.И. Семевский, который сомневался в том, «насколько справедливо это странное мнение» об отмене казней, ведь «в 1742 г. вышло несколько указов по

8 Прощение крестьян Ромодановской волости императрице Елизавете Петровне (1752 г. не ранее апреля 2) // Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII веке. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 149—159.

9 *Favier J.-L. Une leçon de géostratégie: les Observations sur la Russie en 1761 / Texte établi, présenté et annoté par Francine-Dominique Liechtenhan. P.: Éditions SPM, 2016. P. 73—74.* Цифры, которые приводит Фавье, явно завышены. По ведомостям, полученным в Сенате к 14 апреля 1746 года, к смертной казни во всей империи с мая 1744 года (то есть почти за два года) было приговорено 229 человек, но из вынесенных на местах приговоров Сенат посчитал нужным утвердить только 50. См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1023. Л. 8.

10 Сочинения кн. М.М. Щербатова. СПб.: Изд. кн. Б.С. Щербатова, 1896. Стб. 444; Архив князя Воронцова. Кн. 3. М.: Тип. Грачева и Ко, 1871. С. 649—650.

поводу казней и пыток» [Семевский 1860: 338]. Ему вторил М.М. Богословский, утверждавший, что до 1744 года смертные казни продолжали исполняться [Богословский 1913: 166]. С. Бринер полагал, что обет императрицы не более чем распространенное заблуждение (popular belief), поскольку «в действительности отмена смертной казни была длительным процессом, стимулируемым исключительно неограниченной волей монарха и сдерживаемым рудиментарным характером российской судебной системы» [Брунер 1990: 389]. Уже в начале нашего века К.А. Писаренко показал, что императрица не давала никакого обета об отмене смертной казни, первые распоряжения императрицы о «нечинении» смертной казни последовали только в 1743 году [Писаренко 2014: 185].

Действительно, исполнение смертных казней было приостановлено только сенатским указом 17 мая 1744 года, последовавшим после резолюции императрицы 10 мая 1744 года на доклад сенаторов 11 октября 1743 года¹¹. Вплоть до мая 1744 года от имени далекой и невидимой императрицы, олицетворявшей политическое тело империи, преступников вешали, закапывали заживо, сжигали. Сама Елизавета неоднократно подтверждала действие смертной казни как в своем присутствии в Сенате, так и именными указами. Поразительно, что 15 декабря 1741 года, в день, когда императрица объявляет в Сенате свой знаменитый указ об освобождении осужденных и снятии недоимок с тяглого населения империи¹², она лично приказывает вернуть смертную казнь для иноверцев, перешедших в православие и совершивших убийство¹³. Примеры можно легко умножить¹⁴, но вполне очевидно, что эти личные распоряжения императрицы о назначении смертной казни прямо не совместимы с ее обетом «никого не казнить».

Источники, созданные непосредственно после переворота 25 ноября 1741 года, так же упорно молчат о каком-либо обете императрицы и ее желании приостановить смертные приговоры. В одном из самых ранних сочинений, написанных вскоре после переворота, — «Краткой реляции», созданной кем-то из близкого круга приближенных к бывшей цесаревне людей, — даются подробности ночи переворота, Елизавета молится перед выходом в казармы, но нет речи о каком-либо обете¹⁵. В панегирическом сочинении Петра Крекшина «О бедственном злострадании и благополучном восшествии на престол императрицы Елисавет Петровны» вообще нет упоминания молитвы, цесаревна перед переворотом просит солдат только избежать кровопролития¹⁶. Ритуализованная религиозность этого времени не мыслила начала опасного предприятия без молитвы, молитва цесаревны, скорее всего, была, как, возможно, был и личный обет государыни. Но он вряд ли касался отмены смертной казни,

11 РГАДА. Ф. 248. Оп. 105. Д. 8321. Л. 262—263. В «Полном собрании законов Российской империи» опечатка — вместо 17 мая 1744 года названо 7-е, что привело к ошибкам в дате среди историков, не работавших с архивными документами.

12 Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание 1-е (далее — ПСЗ). Т. 11. СПб.: Тип. II отд. Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. № 8481.

13 ПСЗ. Т. 11. № 8482.

14 См. например: ПСЗ. Т. 11. № 8526; Т. 12. № 8910; № 8940.

15 Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук (далее — НИОР БАН). 1.4.18. Краткая реляция о восшествии Государыни Елисавет Петровны на Всероссийский отечески[й] престол. Л. 15—15 об.

16 ОР ГИМ. Муз. 1898. Л. 75 об. — 76.

уже только потому, что нельзя дать обет и потом более двух лет постоянно его нарушать, чтобы только в 1744 году наконец приступить к его исполнению.

Одним из первых сочинений, где говорится о намерениях Елизаветы Петровны уничтожить смертную казнь, был литературный «портрет» императрицы, анонимно опубликованный в Гамбурге (1748)¹⁷. Как нам удалось установить, он создан Иоганной-Елизаветой Ангальт-Цербстской в мае-июне 1746 года¹⁸. Она провела при русском дворе почти полтора года (с 9 февраля 1744-го по 28 сентября 1745 года) и постоянно общалась с императрицей как раз в то время, когда последовал указ 17 мая 1744 года. Мать Екатерины II знала о решении Елизаветы от нее самой, при этом она ничего не сообщает о каком-либо обете, а скорее говорит о личных добродетелях императрицы и античных образцах как причинах такого решения:

...пример сентиментов щедрости, кроткого и человеколюбивого Ея нрава есть таковой: некогда осматривала она свой Оружейной кабинет, показан Ей мечь некоего палача, которым он вершил [казни], по обыкновению ремесла таких людей, на что она ответствовала: «я уповаю, что сего в мое Государствование уже не случится». Слова благопристойнейшие такой Государыни, которая народ свой любит и есть образом Божества, желающего, чтоб ни один из смертных не погиб! Да и говорят, что нет еще примера, чтоб она приговор к смерти подписала: в чем она уподобляется оному римскому императору, которой, долженствуя оной подписать, обыкновенно говаривал: «дай Боже чтоб я писать не умел!»¹⁹.

Интересно, что принцесса видит в решении Елизаветы не слабovolьную прихоть. По ее мнению, императрица, следуя путям милосердия, сохраняет правосудие, поскольку «она ненавидит преступление, а не преступника» и «она знает наказывать виноватаго по правилам правосудия, и прощает неповинного по правилам же благоразумия», что есть пример для тех, «кто кормило Государства управляет»²⁰.

Обет «никого не казнить» абсурден, поскольку не вписывается в традиционные практики²¹. Перформативный акт обета предполагал или *акт жертво-*

---

17 *Portrait naturel de l'Impératrice de Russie glorieusement régnante*. Hambourg: Chez Petit et Dumoutier, [S.a.]. Цитируемый ниже русский перевод был сделан в Коллегии иностранных дел в ноябре 1748 года: Существительный портрет Славно-Государствующей императрицы всероссийской // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 44. Оп. 44/1. 1748 год. Д. 2.

18 Барон Христиан Вильгельм фон Миних, обер-гофмейстер российского двора, сообщает принцессе 28 июня 1746 года о том, что им получен портрет Елизаветы, и упоминает принцессу как его сочинительницу (см.: РГАДА. Ф. 2. Д. 76. *Lettre du baron C. Münnich à la princesse J.E. d'Anhalt-Zerbst, Juin 28 / juillet 9, Peterhoff*. Л. 6).

19 АВПРИ. Ф. 44. Оп. 44/1. 1748 год. Д. 2. Л. 521—521об. Иоганна-Елизавета прямо отсылает нас к «*De Clementia*» Сенеки, это слова его ученика Нерона «*Ultimam nescirem litteras*».

20 АВПРИ. Ф. 44. Оп. 44/1. 1748 год. Д. 2. Л. 520 об.

21 У нас есть только малодостоверные сообщения в сочинениях иностранцев (К. Буссова, П. Петрея и И. Массы) о «тайном» обете Бориса Годунова никого не казнить в первые пять лет своего правления. Показательно, что русские источники об этом молчат. И. Масса считал, что слух о тайном обете распространял сам Годунов, но обета не было, поскольку убийства противников царя продолжались все время (см.: *Буссов К. Московская хроника. 1584—1613 / Die Moskauer Chronik. 1584—1613*. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 83—84; *Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.: Соцэргиз, 1936. С. 53*).

вания (вклад, строительство храма), или *самоограничение* (это прежде всего отказ от удовольствий и «наказание плоти» — пост, власьяница, уход в монастырь, паломничество и т.д.). Христианский обет — это то, что совершается по отношению к Богу. Как говорит Григорий Назианзин, это «обещание умиловительной жертвы», а такая жертва Богу как раз отсутствует в мнимом обете императрицы. Елизавета Петровна если и давала обет, то он должен был быть согласен с традицией, и очевидно, что возведение Спасо-Преображенского собора (1743) или ее паломничества в Троице-Сергиеву лавру (1742) и в Киев (1744), как и другие демонстративные акты благочестия императрицы, ближе всего к традиционному пониманию христианского обета. Нарушить обет — взять на себя тяжкий грех, о чем Елизавета Петровна не могла не знать, дать же обет и больше двух лет его нарушать — невысказано.

Очевидно, что Елизавета не давала обета об отмене смертной казни. Она могла отказаться лично подписывать смертные приговоры, то есть не брать на себя ответственность за пролитие крови подданных, но это не должно было вести ее к отмене смертной казни как таковой. Смертные приговоры «по Уложению и указам» продолжали выносить гражданские присутственные места и военные суды²² и могли выносить и далее без ее участия. Почему-то ей было необходимо остановить исполнение казней в целом. Сделать действия императрицы дискурсивными, то есть доступными интерпретации, нам может помочь только изучение политического языка эпохи и, в частности, важнейшего понятия монархического языка — *милосердия*.

Regni clementia custos

Рассуждая о милосердии (*mercy, clemency*) в современной правовой системе демократических государств, американские правоведы Н. Хуссейн и О. Сарат утверждают, что право помилования есть «юридически санкционированное беззаконие» (*legally sanctioned a legality*), по сути, оно остается элементом монархического правления в демократиях, поскольку помилование выходит за рамки закона и несет на себе признаки неограниченного правления [Sarat, Hussain 2007: 6]. На это еще в XVIII веке указывал и известный английский теоретик права Уильям Блэкстон. По его мнению, помилованию нет места в демократии, поскольку там не признается никакой власти выше власти магистрата, «который только исполняет законы» и не может их нарушать. Право помилования — это «одно из величайших преимуществ монархии перед любой другой формой правления», однако помилование не может существовать «в совершенном законодательстве», поскольку тогда «милосердие государя выглядело бы как молчаливое неодобрение законов»²³. Действительно, милосердие всегда выходит за рамки закона и традиционно является частью мо-

22 По указу 8 октября 1726 года (ПСЗ. Т. 7. № 4964) вынесение смертных приговоров было возможно только с одобрения царствующей особы, однако уже постановлениями 31 декабря 1727 года (ПСЗ. Т. 7. № 5218) и 12 сентября 1728 года (ПСЗ. Т. 8. № 5333. Ст. 16) Верховный тайный совет отменил его и передал решение дел о смертной казни на уровень Сената в столице и губернаторов на местах [Kollmann 2012: 435].

23 *Blackstone W. Commentaries On The Laws Of England. Book the Fourth. Oxford: Clarendon Press, 1769. P. 390.*

нархической прерогативы. По своему характеру, происхождению и развитию оно связано с эволюцией монархической власти и порожденного ею политического языка.

Зарождение современного понимания милосердия, как полагает Мелисса Барден Даулинг, во многом связано с гражданскими войнами и формированием режима принципата в Риме, которое привело к возникновению неограниченной власти одного человека, стоящего выше граждан республики. Действительно, в античной Греции, в республиканских полисах граждане были равны — они не могли прощать и миловать друг друга. В греческом мире понятию милосердия соответствовало несколько терминов, основной из которых «филантропия» (φιλανθρωπία) — буквально это «человеколюбие». Однако в текстах классической эпохи это снисхождение, милость высшего к низшему, подразумевающая милосердие завоевателя по отношению к побежденным, которым прощают их сопротивление после победы и возвращают часть имущества. Если же греческим полисом управляет тиран, подобно Писистрату в Афинах, который обращается со своими подданными как с покоренным народом, народ ничем не отличается от завоеванных варваров, и поэтому милосердие по отношению к народу с его стороны есть знак признания покорности подданных [Dowling 2006: 3–4]. Кроме «филантропии», греки знали еще два близких понятия — *πραότης* и *ἐπιείκεια*, оба они могут переводиться как «кротость», подразумевают гуманность и мягкость обращения и являются скорее личными, а не общественными качествами гражданина.

В латинском языке так же существовала группа слов, соответствующая понятию «милосердие» (*misericordia*, *mansuetudo*, *indulgentia*). Важнейшим из них является *clementia*, понимаемая первоначально как мягкость (и погоды, и характера) и снисходительность, а затем как прощение побежденных врагов и признавших свою вину преступников. Именно это слово становится центральным термином римской политической культуры, во многом благодаря этике стоицизма и влиятельнейшему трактату Сенеки «О милосердии» («*De clementia*»). Для стоиков противоположностью милосердия является не благородная суровость (*severitas*), а необузданная жестокость (*crudelitas*). Суровость представляется добродетелью, дополняющей милосердие и сдерживающей его, а вот жестокость основана на эмоциональной чрезмерности, отсутствии контроля, поэтому она осуждается [Ibid.: 5–8]. Сенека также определяет милосердие как безусловную форму господства — «снисходительность высшего лица по отношению к низшему при назначении наказания»²⁴. Трактат «О милосердии», в основе которого лежали политические наставления Нерону, стал конституирующими для жанра «княжеских зеркал» (*Specula principum*) и постоянно цитировался [Lachaud, Scordia 2007].

Эти наставления для государей ориентировались также и на библейскую мораль, которая позволила связать атрибуты власти божественной и монархической. Концепция «подражания Христу» (*Christomimetes*), развитая христианами богословами уже в позднеримскую эпоху, требовала от государя уподобления Богу в его качествах [Ladner 1959: 7–36, 107–32; Polskoj 2022: 92; Runciman 1977: 5–25]. Авторы наставлений, проповедей и толкований постоянно вспоминали одно из ключевых увещаний Христа: «Будите убо милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть» (Лк. 6:36). Уподобление Богу возможно

---

24 Seneca. *De clementia*. II. 3. 1

только на путях милосердия, христианский монарх один обладает правом помилования, стоящим выше закона и человеческой справедливости. Но монарх, уподобляясь Богу, должен был сохранить баланс между справедливостью и милосердием. В русской традиции дискуссии о соотношении «милости» и «правды» возникли еще на рубеже XV—XVI веков, и если Федор Карпов склонялся в сторону баланса справедливости и милосердия, сохраняющего народы и царства («Милость бо без правды малодушество есть, а правда без милости мучительство есть, и сиа два разрушают царство и всяко градосожительство»), то Иван Пересветов настаивал, что государь должен быть «грозным и мудрым», поскольку «Бог не веру любит, правду» и «не мочно царю без грозы быти»²⁵.

Эта проблема актуальна и для итальянского современника московских публицистов: Н. Макиавелли полагал, что для государя подчинение важнее любви подданных, но при этом князь должен казаться благочестивым и милосердным, поскольку милосердного государя будут любить больше, чем жестокого. Макиавелли определенно видит в своем «государе» особу мужского пола, но, как замечает М. Вийпонто, когда женщина-правительница «имеет репутацию жестокой, культура раннего Нового времени осуждает ее как чудовище», уподобляя Иезавели и Гофоллии, поскольку уделом женщины должны быть мягкость и милосердие [Villeponteaux 2014: 5]. Поэтому Елизавета I Английская пыталась избежать упреков в жестокости, подчеркнуто демонстрируя свое королевское милосердие. Политические теоретики этого времени полагали, что женщины в большей степени, чем мужчины, подвержены страстям, поэтому женщинами гораздо легче манипулировать, чем мужчинами. Это делало позицию английской королевы довольно проблематичной: ее милосердие вызывало «подозрение в том, что это всего лишь слабоумная, эмоциональная жалость» [Ibid.: 6].

Та же дилемма стояла и перед российской императрицей Елизаветой, милосердие которой иностранные дипломаты расценивали как свойство женской натуры и проявление ее слабостей. Так, в 1748 году прусский посол Финкенштейн писал: «...из слабости темперамента и проистекает столь прославленное ее милосердие, столь скупую на кровь преступнейших из подданных ее содействующее» [Лиштенау 2000: 292]. Французский дипломат Дальон скептически замечал, что императрица напрасно полагает, «будто милосердием привлечет к себе сердца народа, тогда как народ этот не понимает, что такое любить, и никогда не поймет»²⁶. Если перечитать указы в екатерининскую Уложенную комиссию, составленные через пять лет после смерти Елизаветы, то окажется, что Дальон был прав, большинство депутатов настоятельно требуют возвращения смертной казни. Среди них был и князь М.М. Щербатов, утверждавший, что «царствование императрицы Елисаветы Петровны, конечно, достойно удивления, ибо, невзирая на милосердие ее, что казнь смертная стала отменена, воровство и смертоубийство гораздо реже в России стали». Однако Щербатов полагал, что «окромя сего милосердия многие другие притчины тому способствовали», важнейшая из которых — нахождение армии в границах России, расформированные на постой войска поддерживали порядок на

25 Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. Т. 9: Конец XIV — первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2000. С. 354, 434, 560.

26 M. Dalion à m. Amelot, 11 septembre 1743 // Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). Т. 105. СПб.: Тип. А. Траншеля, С. 82.

местах, поэтому преступления уменьшились²⁷. Впрочем, это тоже было следствием миролюбивой политики Елизаветы, которая до Семилетней войны сопротивлялась многочисленным попыткам втянуть Россию в европейские войны.

Семиотическая модель поведения Елизаветы лежит не в христианских образцах, а скорее в римской классике: несомненно, ее образец — Тит Веспасиан, на что прямо указывают современники²⁸. Крупнейший теоретик неостоицизма Юст Липсий в своей книге «Увещения и приклады политические» («*Monita et exempla politica*»), переведенной в Петровскую эпоху Симоном Кохановским, восхвалял милосердие императора Тита, который использовал принятие жреческого сана, для того чтобы отказываться от подписания смертных приговоров: «Тит... того ради принял на себе великое священство, дабы чисти от крове имел руце, что и сохранил... сей глагол всегда во устах своих имел: *лучше мне есть самому погибнути, нежели кого инаго погубити*»²⁹.

Возможно, именно этот пример вдохновил и Елизавету Петровну после миропомазания и причащения в алтаре Успенского собора Московского Кремля, которые приближали ее к священническому сану [Успенский 1998: 171—173], найти предлог для отказа лично подписывать смертные приговоры: ее руки не должны были быть обагрены кровью, как и у Тита. С точки зрения гендерной иерархии принятие священничества абсолютно немыслимо, ведь женщинам даже нельзя находиться в алтаре, не говоря уже о том, чтобы причащаться там по чину священнослужителей. Но во время коронации Елизавета выступала не как женщина, но как суверен, носитель политического тела, которое обладает всеми чертами маскулинности. Это, как кажется, еще раз доказывает положение Синтии Херрап — монарх имел не только два тела (физическое и политическое), но и два гендера (мужской и женский) одновременно [Негтур 2006: 498—499]. В этом отношении совершенно иной семиотический смысл приобретают ежегодные торжества в честь событий 25 ноября, на которые императрица неизменно является в мужском гвардейском мундире, как и придворные маскарады-«метаморфозы».

Рассуждения классической древности и «новых» авторов о княжеском милосердии суммировал «Северный Монтень» — Юхан Оксеншерна. Как все хорошие второстепенные авторы, он довольно точно передал «общие места» представлений своей эпохи:

...люди милосердием гораздо лучше приклоняются, нежели силою и жестокостию. Марк Аврелий таковое имел изображение с надписию: *Regni clementia custos* (Страж царства — милосердие). <...> Самодержец яко есть наместник Божий в области своей, и последовательно должен, как возможно, царствовать сообразно Царю Царей, иже есть превышшая доброта и неизмерное милосердие. <...> Господь Бог благославляет Государей, которые кротостию и милостию царствуют над народом, и тем укрочают жесткость над подданными своими. Вместо того, что обыкновенно тиранны приемлют злощастный конец достойный тигрскому своему поведению³⁰.

27 Сочинения кн. М.М. Щербатова / Под ред. И.П. Хруцова. СПб.: Тов. «Печатня С.П. Яковлева», 1896. Стб. 427—456.

28 «Елисавета Титу подражает» (*Щербатов М.М.* Разные сочинения кн. М.М. Щербатова. М.: В Унив. тип., 1860. С. 6).

29 Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — НИОР РГБ). Ф. 247. № 741. Л. 95. Увещения и приклады политические.

30 НИОР РГБ. Ф. 310. № 884. Л. 54 об. — 55. Собрание размышлений о разных вещах господина Комеса Ивана Оксестерна.

Рис. 1. Символ XXII «Praesidia Maiestatis» (Защитение величества) из латинского издания книги Диего Сааведра Фахардо «Идея христианско-политического государя выраженная в 101 символе» (Амстердам, 1659)

Этот текст, как кажется, проясняет нам дискурсивную логику поступка Елизаветы, политика милосердия которой должна были склонить подданных на сторону государыни, узурпировавшей престол. Ведь даже Макиавелли, наставляя «нового государя» о том, как избежать заговоров против своей персоны, советовал: «Государь не должен опасатца заговору, когда любит ево народ, но боятца, когда он в ненависти» [Юсим 2019: 147].

Эмблематика, образы которой активно заимствует визуальная пропаганда Елизаветинской эпохи, интерпретирует милосердие как атрибут добродетельного монарха³¹. Возможно, наиболее прославленное эмблематическое наставление для государей создает Диего Сааведра Фахардо, который сопровождает мотто и символы довольно пространными политическими рассуждениями. Так, символ XXII «Praesidia Maiestatis» («Защитение величества») посвящен проблеме баланса милости и справедливости. На изображении (рис. 1) мы видим стран-

ную птицу, состоящую наполовину из страуса, наполовину из орла — государь должен уподобиться им, поскольку они символизируют две стороны монарха:

Государь иметь должен желудок страуса, столь горячий от милосердия, чтобы переварить железо, и быть также орлом с громом справедливости, каковой, поражая одного, устрашает всех. <...> Пусть же Справедливость и Милосердие шествуют рука об руку, связанные друг с другом подобно частями тела единого, но так, дабы одно могло быть исполнено без ущерба для другого.

Сааведро, как и большинство политических писателей его эпохи, уверен, что чрезмерное милосердие не менее опасно для государя и его подданных, чем сама жестокость:

Ничто так не губительно, как слишком милосердный Государь. <...> Иногда снисходительность и терпение приносят больше вреда, чем само преступление. Ибо зло становится смелее, когда может посулить себе помилование³².

31 См.: [Alciati A.]. Liber emblematum. Frankfurt a. M., 1566. S.P. Emblema IX. См. также: [Махов 2014: 541–542]; Ripa C. Iconologia Overo Descrittione Di Diverse Imagini. Roma: Appresso Lepido Facij, 1603. P. 68–70.

32 The Royal Politician Represented in One Hundred Emblems. Written in Spanish by Don Diego Saavedra Faxardo <...> Transl. by Sir James Astry. London: M. Gylliflower and L. Meredith, 1700. P. 168. Желудок страуса, согласно Плинию Старшему («Naturalis Historia»), мог переваривать железо и камень.

Этот аргумент часто повторялся защитниками смертной казни, в том числе его воспроизвел А.П. Сумароков, который в своей торжественной речи на коронацию Екатерины II (1762) обрушился на неразумную политику милосердия прежней императрицы. Не называя ее прямо, а используя знаковое для прежнего царствования имя римского императора Тита, он указывал новой государыне, как некогда Иван Пересветов, что правосудие выше милости. Сумароков фактически требовал восстановления смертной казни, настаивая на уничтожении «злодеев» как акте высочайшей справедливости и уподоблению Богу «мстителю беззакония»:

Плакал Тит, когда беззаконникам подписывал казни; плакал, но подписывал; ибо без того, был бы он участником соделанного ими беззакония. <...> Злодеи ни малейшего помилования не достойны. <...> Точный возмездия размер известен единому Богу, и чем более человек, а особливо Монарх, имущий способы более всех смертных, подавати роду человеческому блаженство, к точности сей приближается, тем более уподобляется он Богу³³.

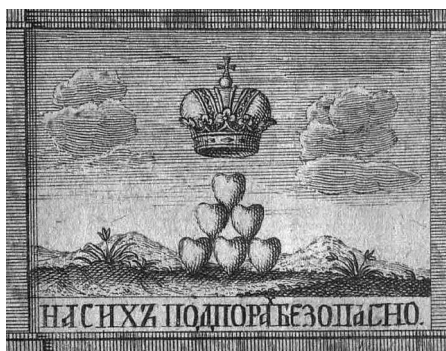

Рис. 2. Эмблема для «Иллюминации перед Золотою решеткою» в Московском Кремле из «Обстоятельного описания торжественных порядков коронования императрицы Елисавет Петровны» (СПб., 1744)

Интересно, что именно эмблема Сааведро Фахардо «Praesidia Maiestatis» дважды использовалась в транспарантах во время коронации Елизаветы. Это изображение украшало триумфальные ворота в Китай-городе, воздвигнутые Синодом, и иллюминацию в Кремле, которая была зажжена 15 апреля 1742 года³⁴. В той же кремлевской иллюминации был использован транспарант, прямо отсылавший к дилемме Макиавелли, — эмблема изображала сердца подданных, которые служили основанием для короны (рис. 2). Это изображение восходило к идеям Сенеки и повторяло вслед за ним: «На сих подпорах безопасно»³⁵.

«Тит времен наших»

В начале декабря 1761 года Елизавете Петровне были поднесены первые шесть отчеканенных медалей из сюиты «в память важнейших событий» ее «счаст-

33 А.П. Сумароков уже при жизни Елизаветы высказался против отмены смертной казни на страницах «Трудолюбивой пчелы» (1759) и позже в статье «О казни». См.: Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений. 2-е изд. М.: В унив. тип. у Н. Новикова, 1787. Ч. 2. С. 230—231; Ч. 5. С. 47; Ч. 9. С. 291.

34 См.: Обстоятельное описание торжественных порядков коронования Ея августейшего императорского величества государыни императрицы Елисавет Петровны. СПб.: Печ. при Имп. Акад. наук, 1744. Рис. № 49. Иллюминация перед золотою решеткою.

35 См.: Обстоятельное описание торжественных порядков. Рис. № 48.

ливого правления»³⁶. Среди них была и медаль «Clementia Augustae» (рис. 3), на которой визуализировалось монаршее милосердие: аллегорическая фигура «римлянки» с пальмовой ветвью входит в узилище и снимает оковы с заключенных, на заднем плане ликующие толпы освобожденных выходят на свободу. Милость императрицы, простившей преступников и вернувшей «политических заключенных» из Сибири, прославлялась как одно из важнейших деяний «кроткия Елисавет»³⁷. Но медаль ничего не говорила прямо об отмене смертной казни. Милость императрицы непосредственно связывалась только с указом 15 декабря 1741 года. Главный же акт милосердия императрицы так и не был ясно запечатлен в законодательстве. При этом еще 27 марта 1761 года императрица направила в Уложенную комиссию, составлявшую новый свод законов империи, главу своего кабинета А.В. Олсуфьева с устным указом «в оном новосочиняемом Уложении за подлежащие вины смертной казни не писать», тем самым исключая из русского законодательства этот вид наказания. Что же все-таки подвигло императрицу сначала приостановить действие смертной казни, а в конце своего царствования все-таки исключить смертную казнь из нового Уложения?

Рис. 3. Т.И. Иванов (аверс), И.Г. Вехтер (реверс). «Clementia Augustae» (Милосердие Августы). Медаль по инициации Я. Штелина «Прощение преступников и освобождение заключенных из тюрем», на указ 15 декабря 1741 года (1760—61 гг.)

Решение императрицы прямо проистекает из характера ее власти и ее политических амбиций. Ночной переворот 25 ноября 1741 года определил политику и поведение новой государыни, которой недостаточно было захватить престол, но нужно было его сохранить и укрепить. И Елизавета последовательно действовала в этом направлении. Она встала во главе заговора в январе 1741 года, когда сама инициировала переговоры с французским и шведским послами, от которых требовала финансовой и военной помощи. Амбициозная цесаревна

36 Якоб фон Штелин создал инициации для этой сюиты, одобренные лично государыней; он подробно излагает историю этого проекта [Малиновский 2014: 383, 385—387].

37 В описании медалей сообщалось, что эта медаль посвящена «Vergebung Der Verbrechen und Entlassung Der Gefangenen aus Den Gefängnissen». См.: Gatterers J. Ch. Allgemeine historische Bibliothek. Bd. 8. Halle, 1768. S. 159—172.

готова была организовать иностранную интервенцию, во главе которой, если не фактически, то номинально, она желала видеть своего родного племянника — тринадцатилетнего герцога Голштинского Петра-Ульриха и, воспользовавшись вторжением шведских войск в Россию, захватить престол в столице. Дело, которым занималась цесаревна, попадало под определение «государственной измены», со всеми совпадающими подробностями описанной в статье Соборного уложения, и каралось смертной казнью³⁸. В «Краткой реляции» Елизавета говорит своим сторонникам накануне переворота: «...я опасна, чтоб сим случаем не были Римские истории обновлены и протчих государств неблагоприятия в таковых претензиях»³⁹. Она буквально ходила под топором: заговор мог быть раскрыт в любой момент и привести к кровавой расправе.

Елизавета была искусной заговорщицей. За долгие годы жизни при дворе она хорошо изучила искусство *диссимуляции*, ставшей чуть ли не главной характеристикой человека барокко (см.: [Snyder 2009; Zagorin 1990]), особенно же «человека придворного», который существовал в ситуации отсутствия публичной политики, где любая попытка достижения политической цели делала его потенциальным заговорщиком [Coward, Swann 2004: 5]. Уже вступив на престол, она продолжала практиковать «искусство притворства», даже в самые кризисные моменты всегда являясь среди дипломатов и придворных, как выразился прусский министр, «с нарисованной на лице радостью» (*la joie peinte sur le visage*). Основоположник концепции «государственного интереса» Дж. Ботеро, наставляя государей, так определял эту способность:

Под *диссимуляцией* я понимаю имитацию незнания того, что знаешь, и незаинтересованность в том, что тебя близко касается, так же как симуляция — это притворство и выполнение одного действия вместо другого. Нет ничего более губительного для диссимуляции, чем порывы гнева, и Государь должен так контролировать эту страсть, чтобы никогда не выдать себя ни словами, ни другими знаками своих мыслей или эмоций [Snyder 2009: 122].

На публике императрицу никогда не видели в состоянии гнева, она была одинаково любезна и приветлива со всеми. Еще до переворота Елизавета заметила барону Нолькену о чересчур открытой Анне Леопольдовне: надо «иметь мало ума» (*il fallait avoir peu d'esprit*), чтобы выразаться откровенно⁴⁰. Елизавета себе этого никогда не позволяла, все дипломаты отмечают ее «искусство притворства»⁴¹. Умолчание, уклонение и диссимуляция позволили Елизавете выжить в жестоком мире придворной политики, поэтому она так мало говорит о себе и эксплицирует свои поступки, в том числе и причины своего милосердия.

Взойдя вместо эшафота на императорский престол, Елизавета последовала самым простым, и ясным правилам, которые могла предложить ей политическая литература эпохи — правилам Макиавелли, который давал советы «новому

---

38 Соборное уложение 1649 г. Гл. 2. Ст. 2.: «Также будет кто при державе Царского Величества, хотя Московским государством завладеть и Государем быть, и для того своего злова умышления начнет рать собирать, или кто Царскаго Величества с недруги учует дружитися, и советными грамотами ссылатися... и такова изменника по тому казнили смертию». Соучастники, не выдавшие заговорщика, или знавшие, но не донесшие, также подлежали смертной казни (ПСЗ. Т. 1. С. 4, 5).

39 НИОР БАН. 1.4.18. Краткая реляция. Л. 12.

40 Le marquis de la Chétardie à m. Amelot. Pétersbourg, 11 avril 1741 // Сб. РИО. Т. 92. С. 483.

41 См.: Favier J.-L. Une leçon de géostratégie... P. 74; [Лиштенан 2000: 269—270, 290—291].

государю», и рассуждениям антимаккиавеллистов, которые сделали советы критикуемого ими мыслителя морально приемлемыми. Скорее всего, императрица была знакома с французским или немецким переводом «Государя» — эта книга все время обсуждалась вокруг нее и вряд ли она могла о ней не знать⁴². Ее французская гувернантка графиня Латур де Лануа ориентировала сестер на чтение схожей литературы, прежде всего моральной и исторической⁴³. Об этом Елизавета сама говорила Штелину, рассказывая о посещении их во время занятий отцом:

Однажды пришел он ко мне и к сестре моей, когда мы с нашею Французенкою читали сочинения Госпожи Ламберт, и заставивши нас пересказать ему одну страницу по Русски, сказал: как вы счастливы, дети мои, что в молодости дают вам читать полезные книги и учат вас! А я лишен был этого в своей молодости⁴⁴.

Удивительно, что императрица, которая в историографии часто считается малообразованной, называет имя маркизы де Ламбер, образцовой стилистки, чей салон был «прихожей Французской Академии», а книги содержали весьма нестандартные для своей эпохи мысли о необходимости всестороннего женского образования и критику его современной ограниченности. Из всех французских авторов маркиза де Ламбер в первую очередь рекомендовала для чтения Пьера Корнеля. Ее советом могла воспользоваться цесаревна Елизавета, страстно любившая театр и устраивавшая любительские представления при своем дворе. Елизавета была большой любительницей французского театра — несмотря на то что в ее царствование при дворе давали представления итальянская, русская и немецкие труппы, «французский театр пользовался едва ли не самыми большими симпатиями Елисаветы Петровны» [Всеволодский-Гернгросс 2003: 133]. Именно знакомством императрицы с политической трагедией Корнеля «Цинна, или Милосердие Августа» можно объяснить и ее символический выбор коронационной оперы — «La clemenza di Tito» («Милосердие Титово») на либретто П. Метастазιο и музыку И.А. Хассе⁴⁵. Впервые представленная во время коронационных торжеств в 1742 году, опера дважды возобновлялась при дворе в 1743 и 1746 годы. Пролог к опере завершался воздвижением на сцене монумента с надписью, которая прославляла Елизавету

42 При сравнении двух списков библиотеки Анны Леопольдовны, списка 1742 года, составленного, когда ее книги еще находились в Зимнем дворце, и списка книг, полученных Академией наук в 1745 году, в последнем недостает, среди прочего, «Анти-Макиавелли» Фридриха II, где находился полный текст «Государя» Макиавелли [Speranskaia 2019: 84]. Очевидно, что эта книга осталась во дворце.

43 Прусский посланник Мардефельд сообщает в 1724 году, что цесаревна Анна Петровна «предпочитает чтение моральных и исторических книг» (Сб. РИО. Т. 15. С. 240). Так как сестры учились вместе, они должны были читать одни и те же книги. Позже баронесса Миних писала, что Елизавета получила «la belle éducation par laquelle a été cultivée dès ses plus tendres années» (Архив князя Воронцова. Кн. 25. М.: Унив. тип., 1882. С. 246).

44 Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ч. 2. М., 1830. С. 25.

45 Впервые смертная казнь в писанном законе была отменена тосканским герцогом Петром Леопольдом, который был крестным сыном Елизаветы Петровны. Как и его крестная, он сначала приостановил исполнение смертных приговоров с 1765 года и в 1786 году отменил смертную казнь. Вступив на престол Священной Римской империи под именем Леопольда II, для коронации в Праге (1791) он выбирает то же самое либретто Метастазιο и заказывает музыку для него В.А. Моцарту.

как «Тита времен наших», что должно было символизировать начало царства милосердия.

И трагедия Корнеля, и опера Метастазियो, по сути, были иллюстрациями к положениям «De Clementia» Сенеки [Osprovat 2016: 219], а также выступали как антимакиавеллистские тексты, настаивавшие на том, что государь должен снискать любовь подданных, а не опираться на насилие и страх, поэтому прощение врагов гарантирует мирное и благополучное правление. Елизавета соединила это пожелание с советом Макиавелли, рекомендовавшим монарху-узурпатору казаться своим подданным благочестивым и милосердным. В русском переводе Елизаветинской эпохи это звучит следующим образом:

...удобно иметь только вид. Ты должен казаться милостив, верен, учтив, справедлив и богобоязлив, но иметь все то совершенно, что[б] мог учинить в лучшем случае совсем тому противное... не должен говорить государь ничего в противность вышеупомянутых пяти свойств. <...> Подлый народ смотрит только на внешней вид и разсуждает по окончании дела [Юсим 2019: 141–142].

После вступления на престол новую императрицу панегиристы и критики превозносят за ее удивительное благочестие и бесконечное милосердие, необыкновенную доброту, доходящие до чрезмерности. Шевалье д'Эон совершенно серьезно рассказывает историю про добрую императрицу и муху:

Императрица — самая гуманная женщина с нежным сердцем, и она не хочет, чтобы ей говорили о наказаниях. Единственно, чтобы привести здесь маленький, но показательный пример того, до какой степени она простирает свое сострадание: если она видит зимой муху в своей комнате, которая может погибнуть от холода, она берет ее за крылья и переносит на печь⁴⁶.

Известный Хорас Уолпол, который не раз прошелся по «москвитам» в своих письмах и мемуарах, сравнивая Елизавету Английскую и Елизавету Русскую, дочерей двух «свирепых» монархов, делает выбор в пользу последней: «...кто может не предпочесть искренней, открытой и бесхитростной варварской императрицы»⁴⁷.

Придворные проповедники создают образ глубоко религиозной государыни, которая являет в своем благочестии образец для подражания подданным. Как утверждает Маркелл Родышевский, она вызывает восхищение и слезы умиления «правоверных стариков и прочих благочестивцев». Эта «новая Елена Всероссийская», как истинная христианка, «от милосердия крайнего» прощает своих заклятых врагов⁴⁸. В 1743 году проповедники впервые начинают говорить о сознательном отказе Елизаветы от смертной казни. Так, 27 июня 1743 года архимандрит Платон Петрункевич восклицает:

...познаем Матерь сущую нашу тем наипаче известуемую, что *наказующая, а не умерщвляющая Матерь еси*. Одно и на Твоих, что и на Феодосия онаго греческаго Императора делах видим, кой не склоняся на казнь узников, надходящей

46 Мезин С.А. Неизвестное произведение французской россики середины XVIII века «Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской»: вводная статья, текст, комментарии. СПб.: Европейский дом, 2023. С. 123.

47 Walpole H. Memoirs of the Reign of King George the Second. Vol. II. L.: H. Colburn, 1847. P. 237.

48 Маркелл [Родышевский]. Слово при присудствии. С. 7, 15–17.

пасхе всех из темниц испустил велел, с тем желанием: *о кто бы мне дал и мертвых воскрешать*⁴⁹.

Епископ Псковский Стефан Калиновский представляет Елизавету как миролюбивую монархиню, стремящуюся сохранить жизнь своих подданных и обращающуюся с тем к Богу:

Едино еще просила от Господа, чтоб во днех моих мои подданные имели мир. Ибо я крове человеческия отнюдь не жажду: моя вся натура к согласию, дружбе, и единомыслию устроена: мое любомудрие то же, что и римскаго онаго императора Антонина Пиуса: *лучше хочу одного соблюсти гражданина моего, нежели неприятелей тысящу убити*⁵⁰.

С помощью публикации этих проповедей Елизавета сознательно конструировала свой образ «милосердной государыни» в сознании подданных. Она заставила их забыть об узурпации престола и своем клятвопреступлении и вспоминать прежних правителей как жестоких и недостойных той власти, которую они у нее отняли. Не случайно Ф.-Д. Лиштенан говорит, что упразднение смертной казни было «самым удачным рекламным ходом за все время ее царствования» [Лиштенан 2012: 106].

Между тем до переворота наблюдатели не замечали благочестивых добродетелей Елизаветы. Так, испанский посол в 1728 году постоянно писал о ее «дурном поведении», при этом уже тогда отмечали ее необыкновенное честолюбие и двуличие: «...она живет, скрывая свои мысли, заискивая у всех вообще, а особенно у старых русских, которые чувствуют себя оскорбленными в своих обычаях»⁵¹. Сама Елизавета, вспоминая это время, сказала генералу Джеймсу Кейту, который ее спросил вскоре после переворота 1741 года, почему она не выступила в 1730 году против Верховного тайного совета и не защитила свои права на престол: «Я очень рада, что тогда сего не сделала, для того что была еще очень молода, следственно подданные мои много бы претерпеть могли»⁵². Еще весной 1727 года, накануне смерти Екатерины I, Девьер и Бутурлин, не желавшие воцарения Петра II, обсуждали кандидатуры двух дочерей Петра Великого и склонялись в пользу Анны Петровны, которая «человечеством изрядная», а Елизавета «изрядная, только будет посердитее» сестры [Соловьев 1963: 76]. Менее всего цесаревна напоминала до вступления на престол и суверенную богомолку. Английский посол, узнав накануне переворота, что Елизавете может грозить заточение в монастырь, не без иронии заметил,

49 Платон (Петрункевич). Слово при Высочайшем Присутствии <...> Елисаветы Петровны <...> проповеданное в Викториаальный день восприятия Высокославленной Монархом Петром Великим победы под Полтавою, в 1709 годе, иуния в 27 день. М., 1743. Л. 10—10 об.

50 Стефан (Калиновский). Слово в день принесеннаго втрое торжественнаго благодарения всеблагому Богу о совершившемся заключении между Империею Российскою, и короною шведскою вечнаго мира. В присутствии Ея Императорскаго Величества <...> 1743 года, месяца Сентября 13го дня. М., 1744.

51 Записки Дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла Короля Испанского. 1727—1730 годов. СПб.: Гутенбергова тип., 1845. С. 42, 49, 57, 62.

52 НИОР РГБ. Ф. 152. Д. 17. Л. 34 об.; Memoires historiques, politiques et militaires sur la Russie depuis l'annee 1727, jusqu'a 1744 par le General de Manstein. Leipzig, 1771. P. 37—38.

что для монастыря она совсем не подходит и «не единой чертой монахиню собой не напоминает»⁵³. Впрочем, и после переворота находились наблюдатели, которые сомневались в подлинном благочестии императрицы. Так, служащий «Канцелярии о Санкт-Петербургском строении» Астафий Зиминской, который не понаслышке знал о расходах императрицы на строительство, говорил Ивану Седельстрему в 1745 году:

Вот де в Оперном доме серебрянные паникадили, а выных де церквах и деревянной паникадили я чаю нет, за что де за этот Оперной дом издержано суммы семьдесят тысяч, а на церковь де и двух тысяч жаль дать, такая дескать богомолица, как приехала де из Москвы, так ни однажды в церкви не бывала, толко де всегда упражняется в комедиях⁵⁴.

«Богомольную» императрицу чаще видят в театре, чем в церкви. Сама Елизавета еще до переворота весьма скептически отзывалась Шетарди о представителях русского духовенства, заметив, что они «не имеют особого влияния, сколь бы ни было велико суеверие народа»⁵⁵. Императрица несомненно была верующим человеком, но едва ли ей была присуща «теремная религиозность», в ее церковной политике и личных взглядах явно просвечивает синкретизм светского и религиозного.

В то же время вряд ли спасительница мухи была столь добра, убивая животных на охоте, которую она весьма любила, как и быструю езду, благодаря которой по дороге в Царское село часто валялись трупы загнанных императрицей лошадей. Ее собственноручные распоряжения Тайной канцелярии менее всего напоминают о гуманности и нежном сердце, как и прорывавшаяся иногда ирония и злые шутки по поводу придворных («Шейка долга — на виселицу годна») и государственных деятелей («Это, очевидно, план меня хорошенько обокрасть», — говорит она Петру Шувалову, когда он пытается добиться ее согласия на свой новый проект)⁵⁶. При этом Елизавета, конечно, не была злодейкой — скорее ей были присущи мягкость и сострадание, но они имели свои пределы и пределы эти описывались политической целесообразностью.

Представляется, что акты благочестия и милосердия императрицы нужно интерпретировать как способы политического действия, а не как следствие ее личных предпочтений, заблуждений или суеверий. Вступив на престол, императрица совершает «благочестивую революцию»: она, если верить церковным проповедникам, спасает православие от грозившей ему гибели, восстанавливает статус церкви и, самое главное, активно демонстрирует собственное благочестие. По ее распоряжению придворные проповеди, на которых она неизменно присутствует, становятся главным орудием имперской пропаганды и издаются огромными, по меркам XVIII века, тиражами, в них не только обсуждаются христианская догматика, но подданным постоянно напоминают

---

53 E. Finch to the right honourable lord Harrington, June the 2nd 1741 // Сб. РИО. Т. 91. С. 97.

54 РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Ч. 2. Л. 63 об.

55 Ils «ne pouvaient avoir beaucoup d'influence, quelque grande que fût la superstition des peuples» (Le marquis de la Chétardie à m. Amelot, Pétersbourg, 3/14 février 1741 // Сб. РИО. Т. 92. С. 300).

56 Записки императрицы... С. 351; Zinzendorfs 'Memoire sur la Russie' [Juli 1755] // Preussische und Oesterreichische Akten zur Vorgeschichte des Siebenjährigen Krieges / Hrsg. von G.B. Volz, G. Kuntzel. Leipzig, 1899. S. 681.

о законных правах Елизаветы на престол и говорят о богоизбранности новой императрицы [Бугров 2018; Kislova 2014].

Елизавета довольно точно выполнила рекомендации Макиавелли — она казалась подданным и иностранным наблюдателям благочестивым и милосердным монархом. В то же время отмена смертной казни и смягчение общей политики наказаний [Викторский 1912: 231—232] были сознательными и дискурсивными решениями императрицы, а не результатом ее мифического договора с Богом. Эти решения Елизаветы нельзя рассматривать в отрыве от политики «улучшения нравов» и необходимо поместить в общий контекст распространения дисциплинарных практик в Европе раннего Нового времени [Foucault 2004]. Императрица для дворянской и городской элит заменяет применение узаконенного насилия новыми формами дисциплинарного контроля телесной и умственной жизни — от создания новых образовательных [Fedyukin 2019] и исправительных [Ролдугина 2016] институтов до учреждения придворного и публичного театров, как «школы нравов» [Evstratov 2016; Ospovat 2016]. В то же время она сохраняет для большинства населения империи традиционные средства наказания и устрашения — кнут, вырезание ноздрей, клеймение, батоги и шпицрутены.

* * *

Таким образом, *милосердие* императрицы Елизаветы Петровны носило продуманный политический характер. Постепенные и настойчивые меры, принимаемые ею для отмены смертной казни, с одной стороны, подчеркивали ее неограниченную власть, а с другой — демонстрировали подданным ее «кроткую натуру» и истинное православное благочестие. Однако укрепление собственной власти и концепция монархической славы двигали ею куда больше, чем христианское сочувствие к преступникам.

Гипертрофированное, с точки зрения многих современников, милосердие Елизаветы скорее выводило ее саму за канонические рамки «обычного» монарха, ее беспрецедентный поступок создавал образ совершенной христианки на троне, не желающей пролития крови, «новой Елены», которая отказывается убивать подданных. Она таким образом не только уподоблялась Христу, к чему должны были стремиться все христианские монархи, но и, как «новый государь» у Макиавелли, активно афишировала свои христианские добродетели и крайнее благочестие, постоянно заявляя, что основывает свою власть на любви, а не на страхе. Следовательно, Елизавета по-своему решает проблему «нового государя»: о ее узурпации трона быстро забывают как в России, так и в Европе, обсуждая «бескрайнее милосердие» и человечность «императрицы московитов», которые делают ее достойной трона. В то же время этим актом милосердия она выводит за рамки закона свою власть — фактически нарушает сложившееся право и традиционный порядок правосудия. Это экстраординарное действие подобно другим ее выходящим за пределы традиционной нормы поступкам: вооруженному «государственному перевороту», совершенному девицей, вставшей во главе роты гренадеров, и нарушению чина царского венчания, когда императрица сама возложила на себя корону, предвосхитив на полвека революционный жест Наполеона. Отмена смертной казни находится в том же ряду экстраординарных поступков.

Маркиз де ла Шетарди, который, как ему казалось, неплохо знал Елизавету, насколько можно знать искусственного в диссимуляции человека, утверждал, что ее главной целью было стремление к славе: «Царица проявляла милосердие в те моменты, когда этого делать не следовало, в легкомысленной надежде обессмертить себя (*l'espoir frivole de s'immortaliser*). Тем самым она заставила государственный интерес и здравую политику уступить этому соображению»⁵⁷. Французский дипломат, противопоставляя *милосердие* и *государственный интерес*, следовал в русле политических наставлений Макиавелли. Он оценивал милосердие императрицы с гендерных позиций как проявление жалости, женской слабости и неразумности. Однако он забыл, что тот же автор требовал от монарха стремиться к славе, поскольку это не только обессмертит его в веках, но и станет основанием для великих деяний. Для императрицы эти деяния были направлены на смягчение нравов своих подданных, о варварстве которых ей постоянно напоминали иностранные наблюдатели.

Отсутствие личной интерпретации своего поступка демонстрировало абсолютный характер власти императрицы, ее уподобление Богу, не дающему никому отчета в своем правосудии и милосердии. Для экспликации милосердия Елизаветы существовала церковная пропаганда, которая создала образ истинной христианки, не желавшей проливать кровь подданных. Во многом именно пропаганда породила легенду о необычном обете императрицы уже при ее жизни, которая продолжает вводить в заблуждение историков и сейчас.

Библиография / References

- [Анисимов 1999] — *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII в. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
- (*Anisimov E.V.* Dyba i knut: Politicheskii syisk i russkoe obshchestvo v XVIII v. Moscow, 1999.)
- [Богословский 1913] — *Богословский М.М.* Императрица Елизавета Петровна // Три века: Исторический сборник: В 6 т. / Под ред. В.В. Каллаша. Т. 4. М.: Т-во И.Д. Сытина, 1913. С. 157–169.
- (*Bogoslovskiy M.M.* Imperatritsa Elizaveta Petrovna // Tri veka: Istoricheskii sbornik / Ed. by V.V. Kallash. Vol. 4. Moscow, 1913. P. 157–169.)
- [Бугров 2018] — *Бугров К.Д.* «Политическое богословие» елизаветинской эры: легитимация власти Елизаветы Петровны в придворной проповеди 1740-х — 1750-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 131–138.
- (*Bugrov K.D.* "Politicheskoe bogoslovie" elizavetinskoj ery: legitimatsiya vlasti Elizavety Petrovny v pridvornoj propovedi 1740-kh—1750-kh gg. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. No. 436. P. 131—138.)
- [Викторский 1912] — *Викторский С.И.* История смертной казни в России и ее современное состояние. М.: Тип. Имп. моск. ун-та, 1912.
- (*Viktorskiy S.I.* Istoriya smertnoy kazni v Rossii i ee sovremennoe sostoyanie. Moscow, 1912.)
- [Всеволодский-Гернгросс 2003] — *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Театр в России при императрице Елисавете Петровне / Сост., подгот. текста, послесл. В.А. Харламовой. СПб.: Гиперион, 2003.
- (*Vsevolodskiy-Gerngross V.N.* Teatr v Rossii pri imperatritse Elisavete Petrovne / Ed. by V.A. Kharlamova. Saint Petersburg, 2003.)
- [Гирц 2004] — *Гирц К.* Интерпретация культуры / Пер. с англ. О.В. Барсуковой, А.А. Бор-

57 La Chétardie à Amelot, le 12 juillet 1742 // Сб. РИО. Т. 100. С. 281.

- зунова, Г.М. Дашевского, Е.М. Лазаревой, В.Г. Николаева. М.: РОССПЭН, 2004.
- (Geertz C. The Interpretation Of Cultures. Moscow, 2004. — In Russ.)
- [Камю 1998] — Камю А. Размышления о гильотине / Пер. с фр. Ю. Стефанова // Камю А. Изнанка и лицо: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. С. 577—624.
- (Camus A. Réflexions sur la guillotine // Camus A. Iznanka i litso: Sochineniya. Moscow; Kharkiv, 1998. — In Russ.)
- [Лишттенан 2000] — Лишттенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740—1750 / Пер. с фр. В.А. Мильчиной. М.: ОГИ, 2000.
- (Lichtenhan F.-D. La Russie entre en Europe; Élisabeth Ire et la guerre de Succession d'Autriche. Moscow, 2000. — In Russ.)
- [Лишттенан 2012] — Лишттенан Ф.-Д. Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других / Пер. с фр. И. Васюченко, Г. Зингер. М.: Астрель, 2012.
- (Lichtenhan F.-D. Élisabeth de Russie (1709—1762), l'autre impératrice. Moscow, 2012. — In Russ.)
- [Малиновский 2014] — Малиновский К.В. Материалы Якоба Штелины: В 3 т. Т. 1: Записки и письма Якоба Штелины об изящных искусствах в России. СПб.: Крига, 2014.
- (Malinovskiy K.V. Materialy Yakoba Shtelina. Vol. 1: Zapiski i pis'ma Yakoba Shtelina ob izyashchnykh iskusstvakh v Rossii. Saint Petersburg, 2014.)
- [Марасинова 2018] — Марасинова Е.Н. «Лишение чести и достоинства» в России XVIII века // Новое литературное обозрение. 2018. № 3 (151). С. 43—64.
- (Marasinova E.N. "Lishenie chesti i dostoinstva" v Rossii XVIII veka // Novoe literaturnoe obozrenie. 2018. No. 3 (151). P. 43—64.)
- [Марасинова 2019] — Марасинова Е.Н. «Потомственный страх» или «народное воспитание»: Феномен моратория на смертную казнь в России середины XVIII века // Новое литературное обозрение. 2019. № 1 (155). С. 132—152.
- (Marasinova E.N. "Potomstvennyy strakh" ili "narodnoye vospitanie": Fenomen moratoriya na smertnyuyu kazn' v Rossii serediny XVIII veka // Novoe literaturnoe obozrenie. 2019. No. 1 (155). P. 132—152.)
- [Махов 2014] — Махов А.Е. Эмблематика: макрокосм. М.: Intrada, 2014.
- (Makhov A E. Emblematika: makrokosm. Moscow, 2014.)
- [Павленко 2018] — Павленко Н.И. Елизавета Петровна. М.: Проспект, 2018.
- (Pavlenko N.I. Elizaveta Petrovna. Moscow, 2018.)
- [Писаренко 2014] — Писаренко К.А. Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 2014.
- (Pisarenko K.A. Elizaveta Petrovna. Moscow, 2014.)
- [Ролдугина 2016] — Ролдугина И. Открытие сексуальности. Трансгрессия социальной стихии в середине XVIII в. в Санкт-Петербурге: по материалам Калининской комиссии (1750—1759) // Ab Imperio. 2016. № 2. С. 29—70.
- (Roldugina I. Otkrytie seksual'nosti. Transgressiya sotsial'noy stikhiy v seredine XVIII v. v Sankt-Peterburge: po materialam Kalinkinskoy komissii (1750—1759) // Ab Imperio. 2016. No. 2. P. 29—70.)
- [Семевский 1860] — Семевский М.И. Первый год царствования Елизаветы Петровны. Исторический очерк. Статья вторая и последняя // Русское слово. 1860. № 2. С. 277—352.
- (Semevskiy M.I. Pervyy god tsarstvovaniya Elizavety Petrovny. Istoricheskiy ocherk. Stat'ya vtoraya i poslednyaya // Russkoe slovo. 1860. No. 2. P. 277—352.)
- [Сергеевский 1887] — Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб.: Изд. А.Ф. Цинзерлинга, 1887.
- (Sergeevskiy N.D. Nakazanie v russkom prave XVII veka. Saint Petersburg, 1887.)
- [Сергеевский 1890] — Сергеевский Н.Д. Смертная казнь при императрице Елизавете Петровне // Журнал гражданского и уголовного права. 1890. № 1. С. 59—79.
- (Sergeevskiy N.D. Smertnaya kazn' pri imperatritse Elizavete Petrovne // Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava. 1890. No. 1. P. 59—79.)
- [Соловьев 1963] — Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 15 кн. / Отв. ред. Л.В. Черепнин. Кн. 10. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1963.
- (Soloviov S.M. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen: 15 vols. / Ed. by L.V. Cherepnin. Vol. 10. Moscow, 1963.)
- [Таганцев 1902] — Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая: В 2 т. Т. II. СПб.: Гос. тип., 1902.
- (Tagantsev N.S. Russkoye ugolovnoye pravo: lektzii. Chast' obshchaya. 2 vols. Vol. II. Saint Petersburg, 1902.)
- [Успенский 1998] — Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Языки русской культуры, 1998.
- (Uspenskiy B.A. Tsar' i patriarkh: kharizma vlasti v Rossii (Vizantiyskaya model' i ee russkoye pereosmysleniye). Moscow, 1998.)

- [Юсим 2019] — «Государь» Макиавелли в русской рукописи XVIII века. Исследование и публикация М.А. Юсима. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2019. (Yusim M.A. "Gosudar" Makiavelli v russkoy rukopisi XVIII veka. Issledovanie i publikatsiya M.A. Yusima. Moscow, 2019.)
- [Bryner 1990] — Bryner C. The Issue of Capital Punishment in the Reign of Elizabeth Petrovna // *Russian Review*. 1990. Vol. 49. No. 4. P. 389—416.
- [Coward, Swann 2004] — Conspiracies and Conspiracy Theory in Early Modern Europe: From the Waldensians to the French Revolution / Ed. by B. Coward, J. Swann. New York: Routledge, 2004.
- [Dowling 2006] — Dowling M.B. Clemency and cruelty in the Roman world. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2006.
- [Evans 1996] — Evans R.J. Rituals of Retribution. Capital Punishment in Germany. 1600—1987. New York: Oxford University Press, 1996.
- [Evstratov 2016] — Evstratov A. Les Spectacles francophones à la cour de Russie (1743—1796): l'invention d'une société. Oxford: Oxford University Studies in the Enlightenment (Voltaire Foundation), 2016.
- [Gregory 2021] — Gregory J. Mercy and British Culture, 1760—1960. New York: Bloomsbury Academic, 2021.
- [Herrup 2006] — Herrup C. The King's Two Genders // *Journal of British Studies*. 2006. Vol. 45. No. 3. P. 493—510.
- [Kesselring 2003] — Kesselring K.J. Mercy and Authority in the Tudor State. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- [Kislova 2014] — Kislova E.I. Sermons and Sermo-nizing in 18th-Century Russia: At Court and Beyond // *Slovène = Словѣне*. International Journal of Slavic Studies. 2014. Vol. 3. No. 2. P. 175—193.
- [Kollmann 2012] — Kollmann N.S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- [Fedyukin 2019] — Fedyukin I. The Enterprisers: The Politics of School in Early Modern Russia. Oxford: Oxford University Press, 2019.
- [Foucault 1979] — Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison / Transl. by A. Sheridan. New York: Vintage Books, 1979.
- [Foucault 2004] — Foucault M. Sécurité, Territoire, Population. Paris: Seuil, 2004.
- [Ospovat 2016] — Ospovat K. Terror and Pity: Aleksandr Sumarokov and the Theater of Power in Elizabethan Russia. Boston: Academic Studies Press, 2016.
- [Lachaud, Scordia 2007] — Le Prince au miroir de la littérature politique de l'Antiquité aux Lumières / Sous la dir. de F. Lachaud et L. Scordia. Rouen: Publications des Universités de Rouen et du Havre, 2007.
- [Ladner 1959] — Ladner G.B. The Idea of Reform. Its Impact on Christian Thought and Action in the Age of the Fathers. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1959.
- [Polskoy 2022] — Polskoy S. "Changes Are Harmful to the State": The Concept of Reform in Russian Political Thought, 1700—1790 // Political Reason and the Language of Change: Reform and Improvement in Early Modern Europe/ Ed. by A. Luna-Fabritius, E. Nokkala, M. Seppel, K. Tribe. London: Routledge, 2022. P. 86—112.
- [Runciman 1977] — Runciman S. The Byzantine Theocracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- [Sarat, Hussain 2007] — Forgiveness, Mercy, and Clemency / Ed. by A. Sarat, N. Hussain. Stanford: Stanford University Press, 2007.
- [Skinner 1989] — Skinner Q. Language and Political Change // Political Innovation and Conceptual Change / Ed. by T. Ball, J. Farr & R.L. Hanson. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 6—23.
- [Snyder 2009] — Snyder J.R. Dissimulation and the Culture of Secrecy in Early Modern Europe. Berkeley: University of California Press, 2009.
- [Speranskaya 2019] — Speranskaya N. French books of Empress Elizabeth Petrovna, or "bibliothèque de cabinet" of Regent Anna Leopoldovna? // *Вивлююйка*: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2019. Vol. 7. P. 47—86.
- [Villeponteaux 2014] — Villeponteaux M. The queen's mercy: gender and judgment in representations of Elizabeth I. New York: Palgrave Macmillan, 2014.
- [Zagorin 1990] — Zagorin P. Ways of Lying. Dissimulation, Persecution and Conformity in Early Modern Europe. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990.